

**Андрей
ВАЛЕНТИНОВ**

АРГЕНТИНА

Книга 1

ЇВЕНТИН

Харьков
«Фоліо»
2017

Как планету назовем?

Подражание античному

— Словно смерть, неотвратима, — зрите! — близится она, с вечной сорвана орбиты, титаническая твердь. В небесах горит зловеще фиолетовый огонь — беззаконная планета мчит Земле наперерез.

— Хороша страшилка выйдет, разойдется на ура. Как же станем мы Погибель Фиолетовую звать?

— Пусть Погибелью и будет, для обложки в самый раз.

— Нет, не так, иначе надо. В маске Смерть явилась к ним, незаметно подобралась в сонме пыли и комет. Значит, имя — по контрасту, без намеков и угроз. Пусть Улыбкою зовется, это ль не судьбы оскал? Человечеству Улыбка гибель верную несет!

— Мысль удачна, имя сыщем. Но с обложкой как нам быть? Станем формулы, как прежде, среди рисунков размещать?

— И не только, схемы тоже. Труд, признаюсь, не простой. Наш художник стал вопросы не по чину задавать, позабыл, что дал подписку, слишком нагл и слишком смел. Им займусь, а вы — творите, вас учить — напрасный труд. Звездолеты, горы трупов, чернота фотонных дюз, девы в розовых скафандрах, роковая космо-вамп. И злодей — конечно, в маске. Из титана, например.

— И отважный супер-мачо с верным бластором в руке.

— Бластор? Это имя дико.

— Никцин Дьялис¹ — спрос с него. Вместо пуль — энергий ступки, острый луч пронзает плоть.

— Помню, помню его повесть про Зеленую звезду. Пусть же «бластор» смертоносный станет «бластером» у нас. Бластер — сколь зву-

---

¹ Nictzin Wilstone Dyalhis «When the Green Star Waned».

чит приятно, так и хочется воспеть. Будет в следующей книге явлен миру Смерти Луч!.. И, конечно, не забудьте горе-сыщика призвать. Без него излишне пресно.

— Да, комический герой. Он из Теннесси приедет, из медвежьего угла. В нашем цирке — шут коверный, для пощечин манекен. Я б назвал беднягу Клэмзи¹, это имя в самый раз.

— Клэмзи — плохо, Клэмзи — грубо. Наш простак — простак и есть, деревенщина в квадрате, деревянная башка. От фамилии болвана пусть провинцией несет. Пиво в бочке, сидр в стакане, там и следует искать.

— Бедный сыщик! Право слово, будет жалко убивать.

— В том согласье наше вижу. Убивать героев — грех. Над могилою Портоса разрыдался пэр Дюма. Тем и нынешние плохи, только рацию, нет чувств. Поглядите на фантастов — в душах чистый интеграл, не словесность, а учебник, скучно лист перевернуть. Муж ученый про ученых для ученых речь ведет.

— В нашем случае, скорее, про шпионов — и для них.

— Bravo! Слоган на обложку. Для шпионов наш роман! Но шпионы тоже люди, гуще крови, больше чувств. Словно танго, книга наша, страстный танец под луной.

— Танго? Вот как? Погодите! Утром радио включил, музыкальные новинки, румба, танго и фокстрот... Танго! Есть! Нашел я имя!

— Как планету назовем?

— Аргентина!

---

¹ *Clumsy* (англ.) — неуклюжий, неловкий, неповоротливый, грубый.

Глава 1

«Олимпиада»

*Данс-макабр. — Я все равно буду волноваться, сэр! —
Настольный теннис. — Правила игры в эльферн. —
Книжка с картинками. — О Аргентина, красное вино!*

1

Зачинайся, данс-макабр!
Пляшем!

Смерть появилась в комнате с первой пулей. Успела — Смерть никогда не опаздывает. Подхватила падающего — крепкого сорокалетнего мужчину в белой рубашке, закружила, повела в танце.

В эту ночь — танго!

Шаг, еще один шаг, резкий поворот. Улыбка, поцелуй. Я — твоя, а ты — мой. Навеки!..

Снова пули — вторая, третья, четвертая!

Смерть успела и на этот раз. Костлявые руки обняли красивого двадцатилетнего парня, заботливо поддерживали, помогая пройти первую, самую трудную, фигуру. Calecita-карусель, партнер по кругу, дама в центре.

Рада тебе, сладкий!

Поцелуй!

Третий, самый старший, не был готов к пляске, трусил, пытался убежать. Смерть ощерила клыки — поздно, толстун, ты уже мой!

Пуля, пуля, еще пуля!..

Вoleo — мах назад ногой от колена, фигура сложная, не по годам, но очередная пуля помогла. Смерть, поблагодарив кивком, обхватила партнера, повела. Основной шаг, корте назад, ровный темп, 33 такта в минуту... Глаза все еще видели, не хотели закрываться, и Смерть поцеловала последнего в левый зрачок — за долю секунды до того, как туда попала еще одна пуля, тоже последняя.

Спасибо за танец, толстун!

Все кончилось слишком быстро, и Смерть, теща любопытство, решила обождать. В комнате суетились живые, кричали, поминали Ее имя. Смерть не отзывалась, стояла в сторонке. Хлопали двери, надрывно звонил телефон, живые никак не могли успокоиться, но вот, наконец, стало тише, а там и свет погас.

Танцевавшая танго прислушалась. Шаги! Не зря ждала.

Дождалась!

Улыбка — желтый оскал.

Смерть открыла дверь, впуская Свою сестру.

* * *

Мухоловка шагнула через порог, из света во тьму. Ничего не увидела, но торопиться не стала. Сперва расстегнула верхнюю пуговицу легкого весеннего пальто и поправила шляпу-слауч, слегка сдвинув на левое ухо. Осталась довольна — Грета Гарбо, спутать можно. Не это, впрочем, главное — ночью, когда различим лишь силуэт, в головном уборе кажешься выше. И еще очки, тяжелые, неудобные, с простыми стеклами — на случай, если кто-то заглянет в лицо.

Наконец, тьма отступила, превратившись в серый сумрак. Девушка взглянула под ноги, оценила. Кровь! Целая лужа, прямо возле левой туфли. Посмотрела вперед, скользнула взглядом по комнате.

Три трупа, один живой. Все ясно.

— Здравствуй, Шарль!

Живой — кожаный плащ, шляпа, очки — шагнул ближе, стараясь не вступить в темную жижу. Протянул руку:

— Здравствуй! Знаешь, я очень злой.

Мухоловка поморщилась.

— Меня тоже с постели сдернули... Говори!

Молодой человек по имени Шарль резко выдохнул.

— Говорю.

...Профессор Арнольд Пахта, пятьдесят один год, социалист, участник восстания 1927 года, вышел из тюрьмы шесть месяцев назад. По агентурным данным, тесно связан с подпольем.

Мухоловка загнула палец.

...Густав Пахта, двадцать лет, актер, племянник Арнольда Пахты. Активист молодежного крыла соцпартии, два ареста.

Второй палец!

...Карл Вигорорс, сорок два года, гражданин Швеции, социал-демократ, член центрального правления партии.

Третий палец так и остался не согнут.

— Fick dich!¹

— Именно, — согласился Шарль. — Узнают в посольстве — конец. Международный скандал с Армагеддоном в финале. Распнут! Сначала Эрца, потом нас с тобой, а после — идиотов, которые принялись стрелять, не разобравшись. Кому-то почудился пистолет.

Мухоловка кивнула в сторону подоконника.

— Туда. Крови меньше.

Добралась, стараясь не испачкать светлые летние туфли, повернулась спиной к темному окну.

— Думаем!

2

— У джентльмена трость забрали, — острый палец с надкусанным ногтем ткнул куда-то влево. — Из-за стального наконечника. У леди, которая в синей шляпе, чемодан раскурочили, содрали уголки. Прямо с мясом вырвали. Железо, говорят. Это, Уолти, не дирижабль, а нарушение всех поправок к Конституции. Тоже мне, цепепелин — чудо техники!

Владелец надкусанного ногтя, белобрысый и лопухий, презрительно фыркнул и вновь уткнулся носом в книгу — пухлый покетбук в яркой обложке.

Уолти, он же Уолтер Квентин Перри, покосился на суету возле стойки, почесал подбородок и совсем уже собрался ответить по всем пунктам, начиная с пальца, коим, как известно, тыкать грешно, но лопухий опередил.

¹ Здесь и далее персонажи будут использовать обценную лексику, переводить которую автор не считает возможным. В данном случае — распространенное немецкое ругательство.